

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г
Р О Й

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Натальи Каптыкиной*

Рой, Олег.

Р65   Двойная жизнь : роман / Олег Рой. — Москва :
Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-179092-9

В один миг жизнь успешного бизнесмена Дениса Воронцова превращается в ад. Проснувшись утром в номере питерского отеля, мужчина обнаруживает рядом с собой мертвую девушку. Денис уверен, его подставили. Однако кому, а главное, зачем это понадобилось, времени выяснить нет. Все улики против него, Денис вынужден пуститься в бега...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179092-9

© О. Рой, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

Темнота пахла как-то... неправильно. В типично питерский «букет» — плюш, старое дерево и паркетная мастика — раздражающе врезалась тяжелая, тошнотворно чуждая струя. Словно в антикварный магазин втиснули мясной прилавок.

Денис попытался открыть глаза. Что-то было не так. Голова была странно пустой, но при этом ужасно тяжелой — как будто вчера он выпил не бокал сухого вина, а бутылку скверного самогона. Вдобавок что-то мешало правой руке. Денис пошевелил пальцами: что-то твердое, длинное и — ах ты, черт! — острое. Нож? Откуда в постели нож?

Мерзкий запах лез в ноздри. Может, мерещится? Денис скосил глаза...

Льющийся из окна полусумрак не столько освещал, сколько скрывал окружающее. На смятой гостиничной постели рядом с Денисом лежала девушка. Тихая, краси-

вая, бледная до синевы. Как вампир. И с вампирской же кровавой улыбкой. Правда, улыбка располагалась почему-то ниже, чем нужно... В плотно сомкнутых девичьих губах не осталось, кажется, ни капельки крови, они были бесцветны, почти незаметны, а под хрупким подбородком разверзлась гигантская, что называется, от уха до уха, жуткая «ухмылка», из которой очень по-вампи́рски вытекали тягучие темно-багровые потоки...

Часть 1

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Юля

Санкт-Петербург — Уфа —
Инзер

— Папа, как ты не можешь понять? Я тоже хочу счастья! — Юля резко, словно подброшенная неведомой пружиной, поднялась с кресла и стремительно зашагала по комнате из угла в угол. Но вдруг девушка остановилась, сделала глубокий вдох, расслабляя сжатые кулаки.

Гнев чрезвычайно ей шел. Смугловатый румянец горел на высоких скулах, глаза под бровями вразлет сверкали серо-голубым льдистым пламенем, ноздри тонкого носа раздувались — если бы не идеально облегающий стройное тело, но безнадежно деловой костюм, то прямо Диана-охотница¹, а не какая-то там Юля! Она не любила

---

¹ Диана — богиня растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия. (Прим. ред.)

свое имя. Юлия Андреевна — еще ничего, но вот Юля — нечто бесформенное, почти бесцветное, вроде медузы. А уж Юлечка... как люлочка, тьфу! Она всегда завидовала сестре Насте — вот имя как имя, а у нее... хуже только Ляля какая-нибудь.

Муж, еще до брака, когда они только познакомились, сразу начал называть ее Юла — с ударением на первый слог. Это звучало так экзотично, так возвышенно, так изысканно, что Юля начинала себя чувствовать как минимум Галой Сальвадора Дали. Впрочем, это в ее финэке — Ленинградском финансово-экономическом — были сплошь сугубо прозаические, как и она сама, Вадики, Коли и Наташи. В богемной компании Алексея (звавшегося, по неведомым причинам, Шерифом) Катя становилась Кэтрин, Костю почему-то звали Бонсом, Ваня был непременно Джонни или хотя бы Яном, Оля — Хельгой или Оллой, даже простецкая Наташа превращалась в загадочную Тати. Да и компания была постарше Юлиных однокашников, никаких студентов, все сплошь готовые гении, хотя и непризнанные. А некоторым кусочек признания уже обломился. Алексей, к примеру, числился автором двух довольно популярных песенок и пары-тройки «концептуальных», как они выражались, оркестровок классики, Бонс время от времени концертировал, все в каких-то мрачных подвалах, про Шушунчик (вообще-то Дашу) говорили, что ей Губайдулина в подметки не годится. От мамы, учительницы музыки, Юля впитала чувство восторженного преклонения перед властителями звуков, так что иногда потом ей казалось, что она влюбилась тогда вовсе не в Алексея, а сразу во всю его компанию, в атмосферу богемности, избранности, почти божественности. Они

были Творцы, Моцарты, их ждал музыкальный олимп. Ее Лешеньку уж точно: отрывки симфонии, над которыми он работал, казались Юле абсолютно непонятными, не похожими ни на что из того, что привычно было с детства, а значит, были настоящим прорывом, подлинным новым словом в музыке. Собственно симфонию (или, быть может, это будет какая-то абсолютно новая музыкальная форма, ведь симфония — это старье, это скучно) будут исполнять в лучших концертных залах, о ней будут рассказывать в музыкальных школах — «это произведение конца XX века стало поворотным этапом в творчестве...» — так же, как ее мама рассказывала своим ученикам о Бахе и Вагнере.

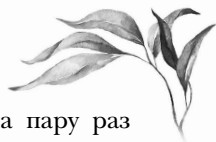
Жаль, мамы нет давным-давно, она только и успела, что дочек замуж выдать, даже до внуков не дожидая.

А великая симфония Лешенькина так и осталась лежать в набросках, так же как прочие «шедевры». Оперы, мюзиклы, концерты, оратории... «Нет, ты послушай, какая тема, ты послушай, всего одиннадцать нот, а ведь до слез пробирает!.. А, что б ты понимала!» — говорил часто Алексей. Юля через несколько лет действительно перестала прислушиваться к «шедевральным идеям». Гладила ненаглядного по голове, говорила, что да, гениально, что надо продолжать, что творческий кризис — это временно... но — вслушиваться? Лешенька столько твердил, что Юля ничего не понимает в музыке, что она и сама в это поверила. Он — гений, ее же счастье — в заботе о том, чтобы гений мог спокойно работать. Вот Юля и старалась.

Ах, как она старалась! Чтобы не обременять любимого (как все «гении», он не снисходил до пошлого быта, полагая, что еда и чистые рубашки должны появляться

сами собой, творческой личности неприлично обременять себя столь низменными заботами), девушка варила суп из топора и проявляла чудеса изобретательности, пытаясь совместить расходы с почти нулевыми доходами. Экономист она, в конце концов, или кто? Когда родилась дочь Машка, в их бюджет еще капали потихонечку гонорары за два Лешкиных шлягера. Это помогало держаться на плаву, но не больше. «Флагман отечественной индустрии», где отец когда-то был ведущим специалистом и куда Юля почти с восторгом устроилась (ну и что, что простым экономистом, зато перспективы! Престиж, в конце-то концов!) после института, постепенно превратился в утлую ржавую баржу. Ну и зарплаты «экипажа» (не считая, конечно, самой верхушки, но кто и когда считал зарплаты верхушки) вполне соответствовали дряхлому виду бывшего «флагмана». Как почти везде с началом «новых времен», платили нерегулярно и не полностью.

Брать деньги у отца Юля решительно не хотела. Особого тепла между ними и так никогда не водилось, а после маминой смерти отношения и вовсе застыли, как лужи под первым морозом — вроде и есть там еще что-то живое, но виден лишь белый застывший лед, который трогать себе дороже, злые осколки изрежут до крови. Иногда, впрочем, приходилось, стиснув зубы, терпеть «вспомоществование», да еще и дочернюю благодарность изображать. Никуда не денешься. Лешенькины «шедеврики» скоро сменились другими такими же однодневками, так что ручеек гонораров, и поначалу-то не слишком обильный, через пару-тройку лет и вовсе иссяк. Редкие концерты — о да, его еще куда-то приглашали! — в заштатных клубах оплачивались, как правило, послеконцерт-

ным банкетом, где скудной снеди хватало на пару раз закусить, зато спиртное там текло реками. Юля выбивалась из сил, чтоб хоть что-то заработать, бралась вести бухгалтерию для разнообразных мелких контор, плодившихся с приходом «новых времен», как грибы, и с тоской наблюдала, как ее «моцарт» превращается в невзрачного лысоватого мужчичку с пивным брюшком и тусклыми глазами. Временами он еще бренчал что-то на расстроенном пианино, но все чаще предпочитал клавишам кнопки телевизионного пульта: «Отстань, мне под телевизор лучше думается!» Или уезжал к приятелям «расписать пульку». Возвращался за полночь, спотыкаясь, громыхая, сбивая с вешалки пальто и куртки. Как-то раз заснул, расшнуровывая ботинки, — так устал. Иногда добирался и до пианино — это означало, что по дороге его осенило вдохновение. К счастью, рядом с пианино стоял диван, поэтому вдохновения хватало не больше чем на два-три тычка в клавиши.

Она не помнила, где читала — или, может, рассказывал кто-то — про «точку невозврата», «точку принятия решения»: если ее перевалить, дальше можно лететь только вперед, назад не повернешь, горячего не хватит. Глядя, как неверные пальцы мужа пьяно тычутся в клавиши, Юля понимала: Лешина точка невозврата давно пройдена. Был гений, да весь вышел. А у нее на руках — двое иждивенцев, которых хочешь не хочешь надо содержать, и содержать на более-менее приличном уровне. Иначе она сама себя уважать перестанет. Ну да ладно, контор, нуждающихся в услугах экономиста (Юля называла их делянками, напевая «раз делянка, два делянка, будет денежка»), на ее век хватит, хватило бы только сил. Вспыхнувшую было как-

то раз мысль о разводе она подавила мгновенно и безжалостно: дочери нужен отец. Маша, к Юлиному немалому удивлению, отлично ладила и с отцом, и с дедом, могла о чем-то — пусть хоть о телепередачах — подолгу с ними болтать. Поэтому — никаких разводов, хоть три «точки невозврата» пройдены, но даже такой отец лучше, чем шипящее по-змеиному слово «безотцовщина». Юля и сама не могла бы сказать, почему ее так пугает это нелепое слово.

Дни потянулись, как годы — однообразные и безрадостные: работа, кухня, стирка, редкие поездки к морю — ребенку нужно солнце и витамины — и снова работа до мушек в глазах: финансовые планы, отчеты, дебет, кредит, аудит... Редкие встречи с отцом и сестрой: расправить плечи, надеть на лицо бодрую улыбку и всеми силами продемонстрировать, что у тебя все в порядке, что ты, страшно сказать, счастлива.

— Я тоже имею право на счастье! — упрямо повторила Юля.

— Юлечка, доченька, остановись, одумайся! — Андрей Петрович выпрямился, качнувшись в кресле-качалке.

Юля привычно передернулась от «Юлечки», но прерывать отца не стала: миллион раз уже просила так себя не называть, бесполезно. Только поморщилась и промолчала.

— У тебя муж, ребенок, у тебя крепкая семья, такая, о какой мечтает каждый нормальный человек, — продолжал бубнить хорошо поставленный, без малейшего старческого дребезжания отцовский голос. — У тебя есть все для полноценной жизни счастливой женщины.

14 Пап, ты сам-то себя слышишь? — устало усмехнулась Юля. — Полноценная жизнь счастливой женщины! С ума

сойти! Оглянись, ты дома в кресле сидишь, а не с трибуны вещаешь. Еще пару фраз в таком духе, и должны следовать «бурные, долго не смолкающие аплодисменты». Почему ты всю жизнь разговариваешь так, словно в расчете на эти самые «не смолкающие аплодисменты»? Вот сейчас ты с кем говоришь? С группой товарищей? Или все-таки с дочерью? — Она поморщилась. — Да где там! Ты же у нас знаешь рецепт счастья! Делай все по правилам, и будет полное счастье! Но оно не подчиняется железобетонным правилам. Оно живое, понимаешь? Но ты, разумеется, убежден, что на меня просто блажь нашла, так ведь?

— Ты не права. — Отец обиженно поджал губы. — Я всегда старался защитить тебя и Настю, устроить, обезопасить вашу жизнь.

— Обезопасить? — Юля всплеснула руками. — От чего, боже мой? Чего мне бояться? На кой черт мне сдалась эта безопасность?! Ты слепой, если считаешь, что у нас крепкая семья. У нас вообще давно нет никакой семьи, хоть это ты можешь понять?! И никаких «нас» тоже давным-давно нет. Машка уже совершеннолетняя, самостоятельная. Муж, говоришь? Мой муж объелся груш! У меня нет больше сил на него любоваться и пылинки сдувать, мне самой скоро сорок — и что? Пустота. Вакуум. Космический такой вакуум. Ледяной. Но я-то живая, я женщина, в конце-то концов! А поняла это лишь сейчас, на исходе третьего десятка.

— Юлечка, я понимаю, у тебя сейчас трудный период. — Андрей Петрович покашлял и опустил глаза. — Поэтому тебе хочется все переделать.

Юля сдвинула брови, не понимая, а потом вдруг расхохоталась:

— Что?! Ты думаешь... Если ты про климакс, то мне, к счастью, до него еще далеко. Я даже родить еще вполне могу. Если надумаю.

— Р-родить? — пробормотал отец с таким недоумением, словно дочь сообщила ему, что может, к примеру, ходить по потолку.

— А что тебя так удивляет? — Она пожала плечами, чувствуя, что и на этот раз разговор завершится ничем. Боевая ничья, все остались при своих и никакого тебе взаимопонимания, ни на грош, ни на йоту. — Я абсолютно здоровая и вполне еще молодая женщина, так что никаких препятствий. Почему бы мне действительно не родить еще одного ребенка? От кого-нибудь настоящего, не такого беспомощного слизняка, как мой, с позволения сказать, муж. Уже практически бывший, напоминаю. Только, я тебя умоляю, не начинай ничего придумывать на пустом месте. Я сказала «могу, если надумаю». А я вряд ли надумаю. Мне, пойми ты уже наконец, хочется пожить для себя, получить от этой жизни удовольствие, а не сплошной поток обязанностей... полноценной женщины. — Она фыркнула, как рассерженная кошка. — Естественное желание совершенно нормального человека. Но тебе, конечно, проще считать, что дело в возрастных гормональных бурях, что надо просто попить каких-нибудь чудодейственных витаминов или что там пьют бабы в «интересном» возрасте. Ты же лучше знаешь. Ты всегда все лучше знал. — Она чувствовала, что ее понесло, хотя никакого смысла в этом не было и бесполезно пытаться что-то объяснить, но высказаться все равно хотелось, ну вдруг до папочки хоть раз в жизни дойдет, что он вовсе не идеальный отец, каким себя мнит. — При этом

даже не удосуживаясь хоть на пару минут вникнуть в наши с Настей дела. Ты с важным видом проверял в конце недели наши дневники — потому что именно так, в твоём представлении, должен себя вести заботливый отец. Ты покупал нам велосипеды — а сосед, чужой дядька, учил нас кататься и помогал их чинить. Тебе же было некогда. Один-единственный раз ты снизошел до того, чтобы поиграть с нами в мячик. Помнишь, на даче? Покидал пять минут, все с тем же важным видом, и пошел к своим взрослым гостям, с которыми требовалось обсудить важные дела. Государственный человек! Депутат! Ты был дядькой из телевизора, Андреем Петровичем Черновым, а не папой. Но при этом ты лучше всех знал, что нужно твоим дочерям для счастья: окончить престижный вуз, выйти замуж за приличного человека, родить ребенка. И, как ты выражаешься, жить полноценной жизнью счастливой женщины. Тебе наплевать, что я чувствую, ты уверен, что я должна слушаться, что должна быть правильной. Ведь хорошие, воспитанные дети очень украшают портрет государственного деятеля. И к матери ты так же относился. Достоянная женщина, с которой не стыдно появиться на важном приеме...

— Не говори так о матери! Не смей! — Андрей Петрович дернулся, словно хотел встать. Но кресло качнулось, и он остался сидеть, только за сердце схватился.

Юля презрительно хмыкнула:

— Давишь на жалость?.. Не старайся, я все это уже видела, и не раз. Твоему сердцу неведомы ни боль, ни счастье, ни любовь, вообще никакие человеческие чувства. Поэтому оно будет биться ровно еще очень долго. Как швейцарские часы. Пока!

Юля вылетела из квартиры, с размаху захлопнув за собой дверь.

Непредсказуемая питерская погода бросила в лицо мелкий колючий дождь, заставляя поеживаться, когда Юля вышла из подъезда. Гнев потихоньку отпуская. Наверное, не стоило так яростно спорить с отцом. Ведь почти старик, его не переделаешь, надо было помягче, поспокойнее. Ведь неправда, что ему наплевать. По-своему он за нее беспокоится. Зря она про швейцарские часы. И про маму напрасно напомнила. Конечно, отец ее любил. Ну... как умел. Совсем один сейчас, сдал за последние годы сильно. Но все ему кажется, что он до сих пор что-то значит в жизни, если не в жизни страны, то хотя бы собственной семьи, что до сих пор что-то решает. Поэтому с ним все так нелепо и выходит, что ни слово, все невпопад. Где уж ему в Юлиной жизни разобраться, когда она сама в ней никак не разберется. Не жизнь, а горная речка — крутит, вертит как ей вздумается, только и молись, чтоб о камни вдребезги не расшибло. В последнее время у Юли все сравнения были оттуда, из Башкирии, хотя, казалось бы, в Питере прожила всю жизнь, а в Уфе всего ничего.

Хорошо хоть, она ни о чем, кроме развода, отцу не рассказала, в запале ссоры долго ли не удержаться. Справилась. Молодец. Ну развелась она с Алексеем, все равно семья развалилась давным-давно, так что развод — логическая точка. А больше — стоп, молчок. Да и не о чем говорить. И главное — не нужно. Нельзя. Пока ничего не сказано вслух, кажется, что ничего и не происходит, что точка невозврата еще не пройдена. Порой Юле хотелось заснуть — надолго-надолго, — а проснуться, когда

настоящее станет прошлым. Далеким-далеким, как будто происходило все не с ней, а с какой-то другой женщиной, которую звали Юлия Андреевна Чернова. Ее тогда будут звать совсем по-другому, ну... скажем... Рената Солнцева... и никакой Юлии Черновой уже не будет. Так, смутное воспоминание.

Или впрямь остановиться? Пока не поздно? Но жизнь-река тащит неудержимо, и не день как год, а год как день, и высокое солнце зажигает волны слепящими бликами, и ледяные брызги остро колют щеки, и в подвздошь страх сладко мешается с восторгом...

Да и как остановиться? Значит, опять дни, как годы, однообразные, безрадостные и безнадежные? Еще десять, двадцать, сорок? Зачем? Чтобы убеждать себя в том, что упущенная возможность никакой такой возможностью вовсе не была, и ждать еще какой-нибудь судьбоносной встречи?

* * *

— Как — бухгалтером?! — ошарашенно воскликнул тогда бывший однокурсник Славик Ловцов, едва не опрокинув полосатый зонт над столиком летнего кафе, куда он привел ее, заявив, что встреча спустя столько лет — это судьба и им непременно надо поговорить.

Ну да, судьба. Вот так бежишь по улице от одной «деланки» к другой — и сталкиваешься с собственной судьбой. В буквальном смысле сталкиваешься. Потому что бежала в то время Юля, ничего вокруг себя не видя, вся в мыслях о Машкином будущем. Дочь выросла на диво рассудительная и до слез заботливая, вот и уперлась: пойду на вечерний, хватит на маминой шее сидеть, пора и на

себя какую-то ответственность взять. Юля спорила с ней до хрипоты, доказывая, что учеба пополам с работой — не учеба, тем более на юрфаке. Настаивала: если до сих пор ее, Юлиных, сил хватало на то, чтоб зарабатывать достаточно, значит, и дальше хватит. Но Машка-Машенька-Маруся, жалея мать, упрячилась. Вот как ее убедить?

Тут не только на бывшего приятеля со всего маху налетишь, тут Александрийского столпа не заметишь, пока лбом не треснешься.

— Юлька, ты что?! — крутил головой Славка, когда она немного рассказала ему о своих «делянках». — Каким рядовым экономистом, каким бухгалтером? Ты ж финансовый аналитик от бога, такие специалисты сегодня на вес золота, а ты киснешь на каких-то левых «делянках», тьфу! Ты ведь лучшей на курсе была, я же помню!

Еще бы он не помнил! В студенческие годы Ловцов очень настойчиво за ней ухаживал, Юля даже начинала подумывать, что можно бы и роман закрутить... но тут на горизонте явился ослепительный «моцарт» Леша со своей не менее ослепительной компанией — и Славик получил полную отставку. Переживал, говорили, страшно. И, едва получив диплом, уехал «искать счастья». Ну, счастья там или нет, но в Башкирии, где он в итоге оказался, дела у «искателя» пошли более чем успешно. Начав, как и Юля, рядовым экономистом в никому не нужном отделе никому не нужной госконторы, он за пятнадцать лет стал членом совета директоров крупного нефтяного концерна.

— Юлька, ты ж понимаешь, что Питер — только по статусу центр, а на деле... Тут такая толкотня, такие битвы за хлебные места, что черта с два пробьешься, на прилич-